

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/CFGRXD>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(4Гем) + 83.3(2Рос=Рус)

+ 83

СЕНТ-БЁВ ПРОТИВ ЭККЕРМАНА, ИЛИ КАК СОЗДАВАЛСЯ ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПЕРЕВОД «РАЗГОВОРОВ» ГЁТЕ

© 2023 г. Е.А. Андрущенко

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 14 февраля 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 20 марта 2023 г.

Дата публикации: 25 июня 2023 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-316-333>

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-28-00218)

Аннотация: В статье речь идет о причудливом случае рецепции Гёте в России в конце XIX в. — о первом переводе «Разговоров» Гёте (1891), выполненном Д.В. Аверкиевым по заказу А.С. Суворина. Учет горизонта ожиданий имплицитного читателя сделал его газету и издательство одним из успешнейших предприятий России рубежа веков и совпадал с культуртрегерским темпераментом Аверкиева — и как писателя, знакомившего публику с культурой и бытом старой России, и как переводчика, приобщавшего ее к достижениям западноевропейской литературы и науки. При переводе Аверкиев пользовался текстом-посредником — французским переводом «Разговоров» Э. Делеро — и перенес на русскую почву не только его композиционные особенности, но и высказанное Ш.О. де Сент-Бёвом в письме к Ж. Шарпентьеру скептическое отношение к личности Эккермана. Сокращая текст оригинала, добавляя в перевод материалы из переписки Гёте и мемуаров о нем, Делеро исправлял «неправильный» жанр исходного текста, образцом которого воспринималась книга Д. Босуэлла о С. Джонсоне. Аверкиев сохранил основные особенности текста-посредника, но дополнил его своей статьей и сносками, приближающими текст к русским реалиям. Некоторые сноски превращены им в развернутые примечания, посвященные истории литературы и театра, теоретиком которого он был. Возникнув в недрах уходящей культуры, перевод Аверкиева предвосхитил будущие искания русского модернизма, деятели которого изучали личность Гёте по его переводу и цитировали разговоры немецкого писателя в его редакции.

Ключевые слова: Д.В. Аверкиев, А.С. Суворин, Гёте, Э. Делеро, рецепция, культуртрегер, перевод, текст-посредник, сноски, адресат, имплицитный читатель.

Информация об авторе: Елена Анатольевна Андрущенко — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-4961>

E-mail: andrushenko2013@gmail.com

Для цитирования: Андрущенко Е.А. Сент-Бёв против Эккермана, или Как создавался первый русский перевод «Разговоров» Гёте // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 2. С. 316–333. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-316-333>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 2, 2023

SAINTE-BEUVE VS ECKERMANN, OR HOW THE FIRST RUSSIAN TRANSLATION OF “CONVERSATIONS WITH GOETHE” WAS MADE

© 2023, Elena A. Andrushchenko

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Received: February 14, 2023

Approved after reviewing: March 20, 2023

Date of publication: June 25, 2023

Acknowledgements: The study was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project no. 23-28-00218).

Abstract: The article discusses a curious case of the reception of Goethe in Russia in the late 19th century — the first translation of “Conversations with Goethe” (1891), authored by D.V. Averkiev and commissioned by A.S. Suvorin. Taking the expectations of the implicit reader into account had made his newspaper and publishing house one of most successful Russian enterprises by the turn of the century. It also aligned with Averkiev’s Kulturträger attitude, both as a writer who introduced the public to the culture and everyday life of old Russia and as a translator who familiarized it with the achievements of Western European literature and science. In his translation Averkiev utilized an intermediate text, namely É. Delerot’s translation of the “Conversations” into French. He transferred not only its structural features, but also the skeptical opinion of Eckermann’s personality expressed by C.A. Sainte-Beuve in his letter to G. Charpentier. By reducing the original text, extending his translation with materials from Goethe’s correspondence and recollections about him, Delerot corrected the “wrong” genre of the source text — with the ideal seen in J. Boswell’s book on S. Johnson. Averkiev retained the essential features of the intermediate text, but complemented it with his own article as well as footnotes bringing the text closer to Russian understanding. He expanded some footnotes into detailed comments on the history of literature and theatre, which he specialized in. Having emerged in the depths of a fading culture, Averkiev’s translation anticipated the future explorations of Russian modernism, whose representatives studied the personality of Goethe via his translation and quoted the German writer’s conversations in his interpretation.

Keywords: D.V. Averkiev, A.S. Suvorin, Goethe, É. Delerot, reception, Kulturträger, translation, intermediate text, footnotes, recipient, implicit reader.

Information about the author: Elena A. Andrushchenko, DSc in Philology, Professor, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-4961>

E-mail: andrushchenko2013@gmail.com

For citation: Andrushchenko, E.A. “Sainte-Beuve vs Eckermann, or How the First Russian Translation of ‘Conversations with Goethe’ Was Made.” *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 2, 2023, pp. 316–333. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-316-333>

К концу XIX в. в рецепции творчества Гёте в России наступил период, когда принципиальные дискуссии о нем были, в сущности, завершены, а интерес смещался в сферу массового сознания: «Читающая “публика” пробавляется теперь по преимуществу полуанекдотическими и вполне анекдотическими мелочами о Гете, находящими изредка место на журнальных задворках, в разделе “Смесь”» [6, с. 747]. Становление русского модернизма, сформулировавшего свое отношение к Гёте и творившего миф о нем, еще только началось. В этой обстановке в издательстве известного журналиста, издателя и хозяина «Нового времени» Алексея Сергеевича Суворина вышли в свет «Разговоры Гёте, собранные Эккерманном» (1891) [21] — первый перевод знаменитой книги на русский язык. Замысел ее публикации принадлежал издателю, напечатавшему перевод тиражом 2000 экземпляров [24, с. 22; 25, стб. 503]. Если судить по распространенной тогда издательской практике, книга относилась к категории переводной литературы наряду с профессиональными изданиями и книгами на иностранных языках, печатавшимися таким же тиражом.

Первый рецензент перевода «Разговоров» Вл. З—в. [В.Р. Зотов] справедливо полагал, что он будет востребован теми, «кого интересует история литературы вообще и история развития мысли у умных людей и первоклассных писателей. Много ли у нас таких любителей и ценителей литературы — это другой вопрос, и как бы ни хотелось нам, чтобы перевод Эккермана сделался так же популярным в России, как подлинник в Германии, но мы сильно сомневаемся в этом, зная, как большинство нашей публики привыкло только “пробегать”, а не читать хорошие книги» [11, с. 863]. К ноябрю 1891 г. продажи показали, что любителей подобного рода изданий оказа-

лось не слишком много. «Но тем большего внимания и благодарности заслуживает переводчик, трудившийся “для немногих”, — писал рецензент, — и издатель, выпустивший в свет книгу, без всякой надежды на ее быстрый сбыт» [12, с. 502]. Это в полной мере соответствовало издательской тактике Суворина, давно заслуживающей специального внимания [19, с. 17]; здесь же отметим, что учет горизонта представлений и ожиданий имплицитного читателя сделал его газету и издательство одним из успешнейших предприятий России рубежа веков.

Суворинское издание было адресовано разным типам читателей: и тем, кто искал в нем живой голос Гёте, как Антон Чехов, Николай Лесков, Василий Розанов, Лев Толстой, Дмитрий Мережковский, Павел Флоренский, и тем, кто мог позволить себе покупку книги, но не очень хорошо разбирался в том, какую ценность имеют разговоры автора «Фауста». Реакция на перевод «Разговоров», зафиксированная в письмах, дневниках, записных книжках и статьях рубежа веков, свидетельствует о том, что он оказал большое влияние на образованных читателей, которые судили об образе мыслей, чувствах Гёте, о его предпочтениях, цитировали его высказывания в этой редакции (см.: [1, с. 87–96; 2, с. 7–16]). Благодаря переводу «Разговоров» своеобразный и плодотворный диалог русской культуры с Гёте обогатился ценным и важным источником его высказываний. Не случайно обозреватель «Сборника Нивы» рекомендовал приобрести «эту любопытную книгу, заключающую в себе столько гениальных мыслей Гёте по самым разнообразным предметам». Он полагал, что «одно уже имя переводчика ручается за хорошую передачу подлинника» [10, с. 734].

Первый переводчик «Разговоров» на русский язык — Дмитрий Васильевич Аверкиев (1836–1905), беллетрист, литературный критик и драматург — был автором популярной пьесы «Каширская старина» (1872), которая до сих пор ставится на сцене российских театров. Его многочисленные пьесы составили ему славу успешного драматурга и любителя русской старины. Он был известным и плодовитым переводчиком. Начиная с «Введения к изучению химии по унитарной системе Шарля Жерара» (1859) [15] и книги Моля и Раука «Главнейшие технические применения пара, электричества и света» (1860) [17], заканчивая трудом Джона Лёббока «Муравьи, пчелы и осы: Наблюдения над нравами общежительных перепончатокрылых» (1884) [16], Аверкиев почти ежегодно печатал переводы европей-

ских трудов по химии, физике, физиологии. Задачу приобщения русского читателя к достижениям мировой науки решал и перевод трехтомного труда Луи Фигье «Светила науки от древности до наших дней: Жизнеописание знаменитых ученых и краткая оценка их трудов» (1871) [22; 23].

На 1890-е гг. приходится переводы Аверкиева из французской и английской литературы. Он участвовал в собрании сочинений Оноре де Бальзака, переводил Джеймса Фенимора Купера, Лоренса Стерна, Проспера Мериме, Уильяма Шекспира и др. Его перевод «Гамлета» (1895) соперничал с переводом Петра Гнедича и был признан лучшим [26]. В издательстве Суворина Аверкиев выпустил свою известную книгу «О драме» [9], трехтомное собрание пьес (СПб., 1887–1896, 2 изд. 1906) [7], перевод «Истории Манон Леско и Кавалера де Грие» Прево (1892) в «Новой библиотеке Суворина» [20] и «Разговоры Гёте, собранные Эккерманном». Издательская тактика Суворина совпала с культуртрегерским темпераментом Аверкиева — и как писателя, знакомявшего публику с культурой и бытом старой России, и как переводчика, приобщавшего ее к достижениям западноевропейской литературы и науки. Эту сторону деятельности Аверкиева затмили достижения его более успешных современников и последователей, но его перевод «Разговоров» не в меньшей мере характеризует сложный и противоречивый период в истории русской литературы, чем выдающиеся произведения той поры. В отличие от деятелей Серебряного века, переносивших на русскую почву «новейшее» европейское искусство, адресованное искушенному читателю, Аверкиев ориентировался на вкус и запросы обычной публики и переводил книги, прошедшие проверку временем. Этот просветительский посыл отвечал направленности массового книгоиздания, в конце XIX в. переживавшего невиданный расцвет.

Между тем его перевод «Разговоров» по сей день остается, в сущности, вне поля зрения исследователей. В преамбуле к примечаниям перевода 1934 г., выполненного Евгенией Рудневой, ему посвящено два предложения: «В 1891 г. в издательстве Суворина появилось первое издание “Разговоров” на русском языке в переводе Аверкиева; в 1905 г. — оно было повторено. Суворинское издание содержит ряд пропусков и, следуя французским и английским переводам, в отступление от немецкого оригинала, объединяет все три части “Разговоров” общей хронологической последовательностью» [27, с. 859]. В знаменитой книге Виктора Жирмунского «Гете в русской

литературе» — одно: «“Разговоры Гёте, собранные Эккерманом”, выходят отдельным изданием только в 1891 г. в переводе Д.В. Аверкиева (2-е изд. — 1905 г., 3-е изд. — Academia, 1935)» [4, с. 391]. Видимо, исследователь ошибочно датировал перевод 1935 г. и приписал его Аверкиеву. В издании перевода, выполненного Наталией Ман (1984), речь о прежних переводах не идет вообще. В публикации фрагментов «Разговоров» в сборнике работ Гёте использован перевод Рудневой [13, с. 450–493].

Отсутствие научного интереса к переводу Аверкиева можно объяснить несколькими причинами. Одна из них — идеологическая. Литератор среднего дарования, свою критическую деятельность он начинал в кругу Аполлона Григорьева и Николая Страхова, примыкал к «почвенникам», был сотрудником журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха». В спорах тех лет он был припечатан писаревской характеристикой как писатель, который «уже с головою окунулся в мутную премудрость “Эпохи” и в своих многочисленных критических статьях заплатил уже такую обильную дань духу мракобесия и сикофантства, что навсегда отрезал себе дорогу к прямой литературной деятельности» [18, с. 262]. Репутация Аверкиева в демократическом лагере была изрядно испорчена. Она повлияла и на судьбу публикации его пьесы «Непогрешимые» в «Отечественных записках», которая была отвергнута не по литературным, а по «направительным» соображениям [14, с. 175]. Те же соображения действовали и в советское время.

Но настоящей причиной того, что «Разговоры» в переводе Аверкиева забыты, является, конечно, природа этого текста. Его особенности во многом проистекали из издательской практики того времени и из представлений Аверкиева о роли переводчика и редактора. Они были сформированы в течение тридцати лет его переводческой деятельности. Вот, например, как он судил об издании книги «Байрон в переводе русских поэтов» под редакцией Николая Гербея. По мнению Аверкиева, в собрании «была очевидная скудость переводов: удачных было немного, были переводы просто-напросто недобросовестные. Издателю предстоял огромный труд. Ему надо было приискать талантливых сотрудников; ему надо было быть крайне осмотрительным в выборе переводов. Если бы мы прибавили, что *редактору* следовало самому быть хорошо знакомым с Байроном, изучив его в подлиннике, составить себе полное и вполне определенное понятие об этом великом поэте, — то, конечно, это немало удивило бы читателей: они были бы вправе

обвинить нас за то, что мы с важным видом знатока говорим такие общеизвестные истины» [8, с. 21].

Вывод, к которому пришел Аверкиев, состоял в том, что «у г. Гербеля есть *средства* издавать Байрона, но нет *средств* даже посредственно переводить» [8, с. 26]. Он также полагал, что в издании должна быть сопроводительная статья, между тем «вместо дельной самостоятельной статьи о Байроне г. Гербель ограничился помещением довольно поверхностной статьи Шера и выписками из статьи лорда Маколея, когда-то переведенной в “Русском вестнике”» [8, с. 21]. Берясь за перевод «Разговоров», Аверкиев постарался избежать этих недостатков: он сопроводил издание своей вступительной статьей и аппаратом, напоминающим аппарат современных научных изданий — в нем есть сноски и указатель имен и предметов. (В переводе 1934 г. такой же раздел называется «Указатель имен, понятий и предметов» [27, с. 883]).

В статье «От переводчика» Аверкиев объяснял замысел издания «Разговоров», происхождение и ценность этой книги, а также обосновал принципы, которых придерживался: «...в переводе я старался по возможности точно передавать не только слова Гёте, но и то настроение, в котором он говорил и которое живо чувствуется при чтении Эккерманна. Я позволил себе высказывать по временам, в примечаниях, те мысли, которые возбуждались во мне при чтении, а равно казавшиеся мне необходимыми разъяснения идей и воззрений Гёте, сближая порою, ради вящей наглядности, явления немецкой и нашей жизни. Сверх того перевод снабжен примечаниями, взятыми из немецкого издания г. Генриха Дюнцера и французского перевода г. Эмиля Делеро. Примечания и добавления последнего особенно драгоценны; так, ему принадлежат все цитаты из писем Гёте или сочинений о нем, разъясняющие или дополняющие высказанные в “Разговорах” мнения и идеи» [21, ч. 1, с. XVIII–XIX].

На шмуцтитуле суворинского издания указано, что это перевод с немецкого, однако Аверкиев дал своему переводу заглавие, отличающееся от названия книги Эккермана. Это сигнализирует о том, что текст предлагаемого издания не тождествен исходному: Аверкиев воспользовался текстом-посредником — переводом «Разговоров» на французский язык, выполненным Э. Делеро “*Conversations de Goethe pendant les dernières années de sa vie: 1822–1832*” (1863) [29]. Делеро более четверти века служил дирек-

тором Версальской библиотеки и был известен как специалист по творчеству Гёте. Как пишет В.В. Полонский, «первые переводы произведений, созданных на языках, относительно недавно завоевавших себе высокий международный культурный статус, нередко выполнялись не с оригинала, а с их французской версии — как правило, воспроизводя ее особенности и огрехи» [5, с. 133–134]. Это относится и к переводу Аверкиева, повторившему даже композиционные особенности французского издания.

Делеро вмонтировал записи из третьего тома Эккермана в первые два, пометив записи Сорэ специальными значками. Из трех томов исходного текста у него получился перевод в двух томах, названный так же, как и у Эккермана. Переводу предшествует эпиграф: «В разговоре Гёте невероятно остроумен. Мадам де Сталь» (*“Goethe est un homme d'un esprit prodigieux en conversation. M-me de Stael”*) [29, т. 1, шмуцтитул]. Издание открывает письмо Ш.О. де Сент-Бёва от 1 мая 1863 г. к издателю перевода — Ж. Шарпентьеру, в котором охарактеризован не только исходный текст и его автор, но и перевод Делеро. Сент-Бёв полагал, что текст, получившийся у Делеро, превосходит оригинал полнотой материала и легкостью изложения. Сент-Бёва привлекала и личность переводчика, увлеченного Гёте и целый год проводившего в Веймаре, и он приветствовал публикацию его перевода [29, т. 1, р. XXI–XXII].

Вслед за письмом Сент-Бёва во французском переводе печаталась вступительная заметка Делеро, в которой определены принципы его перевода: сохранить все, что касается Гёте, сократить рассказы Эккермана о себе, дополнить текст материалами из переписки Гёте с Цельтером, Рейнхардом, Буассере и др. [29, т. 1, р. XXIII–XXIV]. Таким образом, французский перевод «Разговоров» включал элементы, существенно отличающие его получившийся текст от исходного. И Сент-Бёв, и Делеро скептически судили об Эккермане и сомневались в необходимости сохранять его рассказы о себе и его рассуждения. Иными словами, они не воспринимали издание Эккермана в его целостности и полагали, что масштаб его личности не соответствует той жанровой претензии, которую представляли собой «Разговоры». Аналогом подобной формы отношений между двумя литераторами Сент-Бёв называл Николь и Арно или Делейра и Руссо, то есть соавторов и друзей, а образцом жанра — жизнеописание Сэмюэля Джонсона, написанное Джеймсом Босуэллом, акцент в котором сделан на разговорах, мыслях.

Заметим, что в XX в. жанр «Разговоров» уже воспринимается как восходящий к диалогу [3, с. 337–382]. Но всего через пятнадцать лет после выхода в свет третьей части эккермановского издания Сент-Бёв и Делеро видели в нем искажение «правильного» жанра, когда автор не только не равнозначен своему герою, но и не придерживается формы жизнеописания. Потому Делеро считал возможным обращаться с исходным текстом так, чтобы незначительный собеседник великого Гёте не занимал неправомерно много места. Похожими соображениями руководствовался, вероятно, и Аверкиев.

У него также сложилось издание, состоящее из нескольких «слов» — исходного текста Эккермана, перевода Делеро, примечаний Дюнцера [30], фрагментов из переписки Гёте, из книги Фалька [31] и из воспоминаний канцлера Мюллера [32], включенных в текст-посредник и отсутствующих в других переводах этой книги на русский язык. Его перевод оказался масштабнее замысла Суворина издать знаменитую в Европе книгу на русском языке. Аверкиев не только использовал его для знакомства читателей с разговорами Гёте, но связал их с историей русской литературы, театра и изложил собственные идеи. Его сноски из служебных элементов превратились в значимую часть перевода. Для этого Аверкиеву пришлось потеснить сделанное его предшественником.

Постраничные сноски к «Разговорам» имеют разнообразный характер. С одной стороны, они выполняют справочную функцию: в них поясняются имена, события, уточняются обстоятельства публикации произведений и пр. Аверкиев последовательно избавлялся от сносок, адресованных французскому читателю. К исключенным относится, например, замечание о том, почему немец Гёте использовал французское словосочетание “*carte blanche*” (в записи от 26 апреля 1823 г. [29, т. 1, р. 22–23]), отсылка к опыту Ламартина (запись от 27 января 1824 г. [29, т. 1, р. 92–93]) или объяснение места в национальной памяти военных сражений: как полагал Делеро, Аустерлиц и Йена важны для французского читателя, а Лейпциг и Ватерлоо — для немецкого (запись от 24 ноября 1824 г. [29, т. 1, р. 142]). Когда же Делеро в своих примечаниях цитировал Вольтера [29, т. 1, р. 224], Аверкиев — Пушкина (запись от 15 октября 1825 г. [21, ч. 1, с. 213]). Одну из сносок [29, т. 1, р. 81–84] Аверкиев вообще перенес в основной текст, видимо, в связи с большой важностью для русского читателя рассказа о встрече Гёте с Наполеоном (запись от 2 января 1824 г. [21, ч. 1, с. 73–78]).

С другой стороны, отказываясь от перевода некоторых сносок предшественника, Аверкиев заменял их собственными, как в записи от 29 октября 1823 г. В этом фрагменте «Разговоров» Гёте советовал Эккерману обратиться к созданию поэмы, в которой самое сложное — дать индивидуальные черты: «схватить и изобразить частное (индивидуальное) и составляет истинную жизнь искусства. <...> Всякий характер, как бы своеобразен он ни был, и все, что подлежит изображению, от камня до человека, — заключает в себе нечто общее, потому что все повторяется, и нет в свете вещи, которая была бы в нем только раз. С этой-то ступени изображения индивидуального и начинается то, что именуется композицией» [21, ч. 1, с. 43]. Делеро объясняет эту мысль тем, что «Гёте просто имеет в виду, что, когда мы хорошо знаем, как написать отдельное стихотворение, тогда можно попытаться написать стихотворение, которое есть только гармоничная и правильная последовательность определенного числа отдельных стихотворений, объединенных композицией. Прежде чем думать о сочетании частей, нужно быть уверенным, что эти части будут хорошими» («...Goethe veut tout simplement dire que, lorsqu'on sait bien écrire une *poésie détachée*, on peut alors tenter d'écrire un *poème*, qui n'est que l'enchaînement harmonieux et régulier d'un certain nombre de *poésies détachées*, réunies par la *composition*. Avant de penser à la combinaison des parties, il faut être sûr que ces parties seront bonnes» [29, t. 1, p. 52]).

Аверкиев полагал, что Эккерман «не вполне верно или, по крайности, весьма отвлеченно толкует ниже мысль Гёте. Гёте находил, что настоящее творчество (композиция) начинается тогда, когда поэт научается схватывать и живописать индивидуальные черты данного предмета. Находя в Эккерманне способность к изображению природы, он поэтому и советовал ему от описания, так сказать, природы вообще перейти к изображению частной местности, именно Тифурга, ставя задачей — живописание ее индивидуальных особенностей. Держаться “общего” в поэтических образах способен, так сказать, всякий; тут всякий может подделаться под поэта. <...> Посредственности благоразумно всегда держаться “общего”, и из какого бы быта или времени они ни кропали свои поэмы, романы или драмы, все у них равно бесцветно и обще, равно приложимо ко всему. В умении схватывать те или иные индивидуальные черты сказывается и самая индивидуальность поэта; он из безличного стихотворца становится поэтом, достойным быть названным по имени» [21, ч. 1, с. 43, 44].

Но чаще Аверкиев уточнял точку зрения Гёте, спорил с Эккерманом, проводил параллели с русской литературой и практикой русского театра. В записи от 26 февраля 1824 г., например, Гёте рассуждает о предзнании, утверждая, что у подлинного поэта всегда есть знание о мире, не связанное с его изучением, и что без него он «и со зрячими глазами остался бы слеп и все мои исследования и опыты оказались бы тщетным и мертвым трудом. Свет перед нами и краски нас окружают; но если б в наших собственных глазах не было ни света, ни красок, то мы не воспринимали бы их и извне» [21, ч. 1, с. 101]. Делеро прокомментировал эти слова так: «Это один из принципов Гёте в его Теории цветов» (“C’est un des principes de Goethe dans sa *Théorie des couleurs*” [29, т. 1, р. 110]). Аверкиев отказывается от этой сноски и дает свой концептуальный комментарий, принципиально отличающийся от пояснения Делеро.

Он довольно объемный, приведем его в сокращении: «Недоразумение между Гёте и Эккерманном, таким образом, осталось не вполне разрешенным, а между тем оно касается одного из важнейших вопросов поэтического творчества. По нашему мнению, Эккерманн, говоря как бы в опровержение мнения Гёте, что в “Фаусте” нет ни строки, “которая не обличала бы ясных следов внимательного изучения мира и жизни”, имел в виду по преимуществу характерность или колоритность (*couleur locale*) изображения. Несомненно, что Гёте первый стал вводить ее в драму и что она весьма сильна в “Фаусте”. Его лица, сверх мастерской обрисовки их внутреннего или душевного обличия, носят на себе отпечаток места и времени действия. <...> Все сказанное Гёте об антиципации — несомненная правда. Без такой врожденной способности немислимо создание вполне живых и цельных лиц с ясно определенным характером и даже с индивидуальными чертами; немислимо верное угадывание художником душевных состояний и волнений создаваемых им лиц в различные моменты действия. <...> В этом отношении было бы поучительно сравнение писателей, по-видимому, однородных; например, таких умных и наблюдательных литераторов, как г. Григорович и Мельников, с такими несомненными художниками, как Островский и Писемский. <...> В новейшей литературе характерность получила чересчур преобладающее значение; она увлекла весьма даровитых художников, а за ними и публику. <...> Отсюда стремление к изображению душевнобольных, сумасшедших, идиотов, истеричных, а равно к особен-

но яркой и даже подчеркнутой рисовке мимолетных ощущений, исключительных психических моментов. В этой усиленной погоне за характерным порой забываются или по крайности небрегутся высшие задачи искусства» [21, ч. 1, с. 101–103].

Сноска, таким образом, превратилась в обширный комментарий, в котором Аверкиев не только разобрал сложное для русского уха слово «антиципация», но и высказался по существу проблемы, обсуждаемой Гёте, как историк литературы и критик. Он говорит об обусловленности поведения персонажей их происхождением и родом деятельности, о художественном обобщении, о натурализме, причем обозначает линию размежевания между литераторами и художниками. Очевидно, что диалог Гёте с Эккерманом становится для него поводом высказать суждения, выходящие за пределы собственно перевода и касающиеся его историко-литературных взглядов.

В сносках зачастую проступает критический темперамент Аверкиева, выбивающийся из служебной роли переводчика. В примечании к записи от 9 октября 1828 г. он, например, пишет: «Признаюсь, я всегда чувствовал особую слабость к “Клавиго” Гёте, и доселе считаю его самым сценичным из драматических произведений германского поэта. Меня всегда удивляло редкое исполнение на сцене именно этой пьесы. Что тому причиной? ее ли великая сжатость, требующая особого напряжения артистических сил, или просто малая литературная образованность как артистов, так и заведующих художественною частью в театре? Уже по описанию чтения можно предчувствовать, что за впечатление произведет на сцене эта пьеса!» [21, ч. 2, с. 102–103]. Когда Гёте сетует на невыдержанность репертуара немецких театров — «где вчера мы видели “Гамлета”, мы видим сегодня *Штаберле*» (запись от 30 марта 1824 г.) [21, ч. 1, с. 112], — Аверкиев поясняет, кто такой Штаберле, и замечает: «Нельзя не заметить, что обстоятельства, подобные указанным Гёте, мешают и в нашем театре правильному развитию вкуса публики. Даже в Москве, невзирая на несколько частных сцен, не установилось еще разделение репертуара между отдельными театрами. И это не прекратится, пока дух соперничества во что бы то ни стало не заменится духом соревнования в деле искусства. Тогда каждый театр будет довольствоваться только пьесами данного рода и стараться исполнять их с возможным совершенством» [21, ч. 1, с. 112].

Плодовитый драматург, член комиссии по театральному ведомству (1882), Аверкиев хорошо знал театральное дело, так что проведенные им параллели опирались на его большой практический опыт. Он проявился и в том, как, например, комментируется разговор о трех единствах (запись от 24 февраля 1825 г.): «Даже греки, от коих исходит этот закон, не всегда ему следовали: в “Фяэтоне” Еврипида и в других пьесах место действия перемещается, и отсюда следует, что для них хорошее изложение сюжета было важнее, чем слепое преклонение перед законом, который сам по себе не много значит. Шекспир нарушал до крайней возможности единства времени и места; но его пьесы ясны, нет ничего яснее их, а потому и греки нашли бы их безукоризненными. Французские поэты старались строжайшим образом следовать закону трех единств, но они грешили против ясности, разрешая драмы не драматически, а при помощи рассказа» [21, ч. I, с. 155–156].

К этому фрагменту разговора Аверкиев дает такие сноски: «Упрек не вполне справедливый. У греков рассказы в трагедиях дело обычное и нередко они встречаются и в конце пьес. Зависело это не столько от соблюдения закона единств (если таковой существовал в древности, — что сомнительно), сколько от сосредоточения трагического действия на одном лице», и далее — «Несомненно, однако, что слишком частая перемена декораций разбивает впечатление и препятствует сосредоточению внимания. Вот почему при постановке Шекспира по возможности стараются избегать перемен и соединяют несколько сцен в одну. Для зрителя весьма нередко все равно, где именно происходит данная сцена; вообще его более интересует, что и как происходит» [21, ч. I, с. 156–157].

Обосновывая свой подход к переводу «Разговоров», Аверкиев признавался, что «почувствовал себя счастливым» после предложения издать эту книгу. «Да, именно “счастливым”, — это выражение при чтении книги не раз попадет на глаза читателю. <...> Переводя подобную книгу, подыскивая на родном языке равноценные выражения для передачи не всегда обдуманного, часто глубокомысленного и образного слова, невольно приходится как бы самому переживать ее; другими словами, постоянно поддерживать себя на значительной умственной высоте» [21, ч. I, с. III–IV]. Это сказало не только в лексическом строе перевода, требующем отдельного внимания, но и в отказе от тех примечаний Делеро, которые вскрывают психологию и буржуазный характер окружающего Гёте общества.

Так, в записи от 19 октября 1823 г. Эккерман рассказывает, как в первый раз обедал у Гёте. Дело в сноске поясняет имена тех, кого он упоминает: «Мадемуазель Ульрика де Погвиш, сестра мадам де Гёте. Она до сих пор живет в Веймаре. Двое детей, Вальтер и Вольфганг, внуки Гёте. Сегодня они взрослые люди; но литературная слава литературы их дедушки не прельщала их. Г-н Вальтер де Гёте камергер при дворе Веймара; г-н Вольфганг де Гёте, советник посольства Пруссии в Вене» (“Mademoiselle Ulrike de Pogwisch, sœur de madame de Goethe. Elle habite toujours Weimar. Les deux enfants, Walter et Wolfgang, sont les petits-fils de Goethe. Aujourd’hui ce sont des hommes faits; mais la gloire littéraire de leur grand-père ne les a pas tentés. M. Walter de Goethe est chambellan à la cour de Weimar; M. Wolfgang de Goethe, conseiller de légation près l’ambassade de Prusse, à Vienne” [29, t. 1, p. 42]).

Аверкиев удаляет все примечания, кроме одного: о том, что Ульрика — это «младшая сестра Оттилии; она жила в доме Гёте» [21, ч. 1, с. 33]. Он умалчивает о равнодушных к творчеству гения внуках, посвятивших себя непоэтическому ремеслу: эта подробность не поддерживала впечатление о высоком, которое формируется в ходе перевода. По этой же причине он снимает и скептический комментарий Делеро к словам Гёте о его «Теории цвета» (запись от 1 февраля 1827 г.): «Бедняга Гёте, чьи идеи о цветах были так плохо восприняты, здесь, кажется, в отчаянии ухватился за Эккермана, чтобы иметь хотя бы одного надежного и благодарного ученика» (“Le pauvre Goethe, dont les idées sur les couleurs avaient été si mal accueillies, semble ici, en désespoir de cause, s’emparer d’Eckermann pour avoir au moins dans le monde un disciple sûr et reconnaissant” [29, t. 1, p. 303]). В переводе Аверкиева сомнения в верности точки зрения Гёте не возникают: даже когда он бранится на лающую собаку, его образ остается величественным [21, ч. 2, с. 410]. Эта установка согласуется с тем, как он относился к «Разговорам»: «...всегда, если не сразу, то перебросив две, три страницы, нападал на место, которое невольно увлекло мысль, перенося ее в более возвышенную сферу. И, конечно, не я один, узнав, полюбил эту книгу. Сошлюсь на Ф.И. Буслаева, который зовет ее своим “эстетическим евангелием” и любит прочитывать из нее страничку, другую, “на сон грядущий”» [21, ч. 1, с. III].

Соглашаясь подготовить к изданию «Разговоры» Гёте, Аверкиев не испытывал пиетета перед исходным текстом. Он, несомненно, знал его, ориентировался на него, но переводил с французского издания, воспроиз-

водя его главные композиционные особенности. Его задачей было создание возвышенного образа Гёте — от передачи своего личного отношения к книге Эккермана и специфического отбора лексики до формирования сносок, которые ограничивают представления о круге общения и интересах Гёте сферой «значительной умственной высоты» и приобщают читателя к замечательным подробностям его жизни. Вступительная статья к переводу складывалась из собственных размышлений переводчика и текста статьи Эккермана, так что упрек Гербелью в отсутствии самостоятельной статьи к переводам Байрона был едва ли справедлив. Под влиянием авторитетного мнения Сент-Бёва у Аверкиева сложилось скептическое отношение к секретарю Гёте, и он полемизировал с ним в примечаниях, пользуясь возможностью высказаться об истории литературы и театра.

Несмотря на существенные отличия от исходного текста, в принимающей культуре перевод «Разговоров» занял важное место. Созданный в недрах уходящей культуры, он оказался созвучным будущим исканиям русского модернизма, вписавшего собственную страницу в рецепцию Гёте и творившего миф о нем. Аверкиев предложил такую транскрипцию разговоров великого олимпийца, которая давала пищу умам искушенным и вызвала тривиальные. Заслуга такого далекого от религиозно-философских споров той поры писателя, как Аверкиев, в том, что они получили для этого материал, представляется огромной.

Список литературы

Исследования

- 1 *Андрущенко Е.А.* Какую оперу не написал П.И. Чайковский // Писатели и критики первой половины XX века: предшественники, последователи (незабытые и забытые времена) / под ред. Л.А. Колобаевой, С.И. Кормилова, А.В. Назаровой; сост. А.В. Назарова. М.: Common Place, 2021. С. 87–96.
- 2 *Андрущенко Е.А.* Текстологические заметки к статье Д.С. Мережковского «Гёте» // Д.С. Мережковский: писатель — критик — мыслитель / ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. М.: Дмитрий Сечин; Литфакт, 2018. С. 7–16.
- 3 *Волков С.* Вспоминая Анну Ахматову. Разговор с Иосифом Бродским // Континент. 1987. № 53. С. 337–382.
- 4 *Жирмунский В.М.* Гете в русской литературе. Л.: Наука, 1982. 558 с.
- 5 *Полонский В.В.* GALLO-ROSSICA: Из истории русско-французских литературных связей конца XVIII – начала XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 416 с.
- 6 *Сергиевский И.* Гете в русской критике / предисл. Л. Каменева // Литературное наследство. М.: Жур.-газ. объединение, 1932. Т. 4/6: [И.В. Гёте]. С. 723–758.

Источники

- 7 *Аверкиев Д.В.* Драмы: в 3 т. Пб.: А.С. Суворин, 1887–1896.
- 8 *Аверкиев Д.* Литературное шарлатанство (Байрон в переводе русских поэтов, изданном под редакциюю Ник. Вас. Гербеля. Т. I, II, III. СПб., 1864 и 1865. Дон-Жуан. Поэма Байрона. Песнь первая. Перевод Д. Минаева. Современник. 65. I) // Эпоха. 1865. № 2. Текущ. литература. С. 21–38.
- 9 *Аверкиев Д.В.* О драме. Критическое рассуждение. С прилож. статьи «Три письма о Пушкине». Изд. тщательно пересм. и знач. доп. Пб., 1893. 382 с.
- 10 *Б. а.* Разговоры Гёте, собранные Эккерманом. Перевод с немецкого Д.В. Аверкиева. Часть первая и вторая. Изд. А.С. Суворина. СПб., 1891. Цена по 1 р. 50 к. // Сборник Нивы. 1892. № 3. Март. Библиография. С. 734.
- 11 *Вл. 3–в.* Разговоры Гёте, собранные Эккерманом. Перевод с немецкого Д.В. Аверкиева. Часть первая. СПб., 1891 // Исторический вестник. 1891. Т. XLIII. Март. Критика и библиография. С. 861–864.
- 12 *В–ж.* Разговоры Гёте, собранные Эккерманом. Перевод с немецкого Д. Аверкиева. Часть вторая. СПб., 1891 // Исторический вестник. 1891. Т. XLVI. Ноябрь. Критика и библиография. С. 502–504.
- 13 *Гёте И.В.* Избранные философские произведения / под ред. Г.А. Курсанова и А.В. Гулыги; вступ. ст. и коммент. Г.А. Курсанова. М.: Наука, 1964. 520 с.
- 14 *Достоевский Ф.М.* Письмо к Д.В. Аверкиеву от 18 ноября 1877 г. // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1986. Т. 29. Кн. 2. С. 175.
- 15 *Жерар Ш.Ф.* Введение к изучению химии по унитарной системе Шарля Жерара / пер. Д. Аверкиева и П. Алексеева. СПб.: Торг. дом С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К°, 1859. 232 с.

- 16 *Лёббок Дж.* Муравьи, пчелы и осы: Наблюдения над нравами общежит. перепончатокрылых: С прил. ст. переводчика «Муравьиные следы» / [соч.] Сэра Джона Лёббока, баронета, чл. парл., чл. К. О. и т. д.; пер. с 5 англ. изд. Д.В. Аверкиева. СПб.: А.С. Суворин, 1884. 491 с.
- 17 *Моль К.Л., Раук.* Главнейшие технические применения пара, электричества и света / [соч.] Д-ра Моля и Раука. СПб.: Общественная польза, 1860. 257 с. (разд. паг.)
- 18 *Писарев Д.И.* Литературная критика: в 3 т. / сост., подгот. текста и примеч. Ю.С. Сорокина. Л.: Худож. лит., 1981. Т. 2: Статьи 1864–1865 гг. 465 с.
- 19 *Письма З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского к А.С. Суворину (1891–1911)* / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.А. Богомолова // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. I. С. 17–107.
- 20 *Прево А.Ф.* История Манон Леско и кавалера де Грие: (Histoire de Manon Lescaut): Роман аббата Прево / пер. [и предисл.] Д.В. Аверкиева. СПб.: А.С. Суворин, 1892. 225 с. (Новая библиотека Суворина).
- 21 *Разговоры Гёте, собранные Эккерманном* (пер. с нем. [с предисл.] Д.В. Аверкиева). Ч. 1–2. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1891. Ч. 1. 358 с.; Ч. 2. 416 с.
- 22 *Светила науки от древности до наших дней: Жизнеописание знаменитых ученых и крат. оценка их трудов / соч. Луи Фигье. [Т.] [1] — [Т. 2]: Великие ученые средних веков и времен Возрождения: С 12 портр. и грав., снятыми с древ. памятников г.г. Верас, Де Бар и др. / пер. с фр. под ред. Д. Аверкиева. 1871. 559 с.*
- 23 *Светила науки от древности до наших дней: Жизнеописание знаменитых ученых и крат. оценка их трудов / соч. Луи Фигье. [Т.] [1] — [Т. 3]: Ученые XVII и XVIII веков: С многими портр. и грав., снятыми с древ. памятников г.г. Верас, Де Бар и др. / пер. с фр. под ред. Д. Аверкиева. 1873. 505 с.*
- 24 *Список книг, вышедших в России в 1891 году.* СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1892. 262 с.
- 25 *Список книг, вышедших в России в 1905 году [С алф. указателем].* СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1906. 1004 стб.
- 26 *С. У-ц.* Из литературного прошлого нашей столицы // Наша старина. 1915. № 7. С. 650.
- 27 *Эккерман И.П.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / вступ. ст. В.Ф. Асмуса, пер., примеч. и указатель Е.Т. Рудневой; под общ. ред. Мих. Лифшица. [М.; Л.]: Academia, 1934. 965 с.
- 28 *Эккерман И.П.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / пер. с нем. Н. Ман; вступ. ст. Н. Вильмонта; коммент. и указ. А. Аникста. М.: Худож. лит., 1981. 687 с.
- 29 *Conversations de Goethe pendant les dernières années de sa vie: 1822–1832. Т. 1, 2 / recueillies par Eckermann; trad. par Émile Délerot; précédées d'une introd. par C. Sainte-Beuve. Paris: G. Charpentier, 1863.*
- 30 *Eckermann J.P.* Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. 6. Auflage, mit einleitender Abhandlung und Anmerkungen von Heinrich Düntzer. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1885. Bd. 1–3.
- 31 *Falk J.* Goethe aus näherm persönlichen Umgange dargestellt. Ein nachgelassenes Werk. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1832. 318 S.

- 32 Müller F. von. *Erinnerungen aus den Kriegszeiten von 1806–1813*. Braunschweig, 1851. 310 S.

References

- 1 Andrushchenko, E.A. “Kakuiu operu ne napisal P.I. Chaikovskii” [“Which Opera Was not Written by P.I. Tchaikovsky”]. *Pisateli i kritiki pervoi poloviny XX veka: predshestvenniki, nasledovateli (nezabytye i zabytye vremena)* [Writers and Critics of the First Half of the 20th Century: Predecessors, Followers (Unforgotten and Forgotten Times)], ed. by L.A. Kolobaeva, S.I. Kormilov, A.V. Nazarova, comp. A.V. Nazarova. Moscow, Common Place Publ., 2021, pp. 87–96. (In Russ.)
- 2 Andrushchenko, E.A. “Tekstologicheskie zametki k stat’e D.S. Merezhkovskogo ‘Gete’.” [“Textological Notes to D.S. Merezhkovsky’s Article ‘Goethe.’”] *D.S. Merezhkovskii: pisatel’ – kritik – myslitel’* [D.S. Merezhkovsky: A Writer – A Critic – A Thinker], ed. and comp. O.A. Korostelev and A.A. Kholikov. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., Litfakt Publ., 2018, pp. 7–16. (In Russ.)
- 3 Volkov, S. “Vspominaia Annu Akhmatovu. Razgovor s Iosifom Brodskim” [“Remembering Anna Akhmatova. A Conversation with Joseph Brodsky”]. *Kontinent*, no. 53, 1987, pp. 337–382. (In Russ.)
- 4 Zhirmunskii, V.M. *Gete v russkoi literature* [Goethe in Russian Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 558 p. (In Russ.)
- 5 Polonskii, V.V. *GALLO-ROSSICA: Iz istorii russko-frantsuzskikh literaturnykh sviazei kontsa XVIII – nachala XX veka* [GALLO-ROSSICA: From the History of Russian-French Literary Relations in the Late 18th – Early 20th Century]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 416 p. (In Russ.)
- 6 Sergievskii, I. “Gete v russkoi kritike” [“Goethe in Russian Criticism”], foreword by L. Kamenev. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 4/6: I.V. Gete. [I.W. Goethe]. Moscow, Zhurnal’no-gazetnoe ob”edinenie Publ., 1932, pp. 723–758. (In Russ.)